

Инь Чэньюй отвел взгляд, избегая смотреть ему в глаза. В прошлой жизни взгляд Сюэ Шу всегда казался ему слишком глубоким, слишком тяжелым, полным неясных, скрытых чувств. Каждый раз, когда тот смотрел на него, Инь Чэньюй казалось, будто он задолжал этому человеку за восемь поколений предков — и это было крайне неприятно.

Теперь же взгляд Сюэ Шу был куда прямее, лишенный той прежней глубины. В нем почти неприкрыто читалось одно: «Жду награды».

За такой пустяк — и смеет требовать награду! Инь Чэньюй мысленно хмыкнул и нарочито перевел взгляд на группу людей, что спешно приближалась сзади.

— Наконец-то прибыл даос Ванчэнь.

Облаченный в ритуальные одежды, с персиковым мечом в руке, он и впрямь походил на искусственного заклинателя. Вот только слова его «Где лиса-оборотень? Бедный даос пришел изловить...» оборвались на полуслове. Выражение его лица, когда он, разинув рот, уставился на труп «лисы», было лишено всякого достоинства и выглядело довольно комично.

Инь Чэньюй скользнул по нему взглядом, затем краем глаза заметил в толпе мрачное лицо Инь Чэнцзина, и уголки его губ едва заметно дрогнули.

Прежде чем остальные успели опомниться, холодное выражение на лице Инь Чэньюя мгновенно сменилось тревогой. Он быстро шагнул вперед, помог подняться императору Лунфэну, все еще сидевшему на земле, а затем мягко обратился к молчавшему даосу Ванчэню:

— Лис-оборотень уже мертв, не стоит утруждать почтенного даоса. — С этими словами он повернулся к Гао Сяню: — Прошу евнуха Гао распорядиться насчет паланкина. Командующий Гун, отправьте людей тщательно обыскать окрестности. Я полагаю, кто-то намеренно устроил беспорядки, не дайте виновникам скрыться...

Он невозмутимо отдавал одно распоряжение за другим, идеально играя роль почтительного сына, и лишь тогда остальные, словно очнувшись, пришли в себя.

Стражники Цзиньвэй тут же бросились врассыпную на поиски подозрительных следов; придворные, забыв поправить одеяния, тут же устремились к императору Лунфэну, наперебой выражая беспокойство о его здравии и демонстрируя свою преданность.

Окруженный толпой придворных, император Лунфэн выглядел мрачно. Он едва избежал нападения и прилюдно потерял лицо. Хотя сердце его все еще бешено колотилось от страха, уходить вот так он не собирался — нужно было хоть как-то восстановить достоинство.

— Так этот лис-оборотень мертв? — Император Лунфэн принял подобающий правителю вид и шагнул вперед, намереваясь пнуть тварь ногой, но, увидев кровь, в нерешительности

остановился в полушаге.

— Отвечаю Вашему Величеству, эта тварь мертва.

Лишь когда Сюэ Шу подал голос, взгляды присутствующих снова обратились к нему.

Император Лунфэн тоже окинул его взглядом и, заметив одежду, небрежно спросил:

— Ты из Восточного Бюро? Ты убил лиса-оборотня и спас государя — за это полагается награда.

Гао Юань, начальник Восточного Бюро, услышав это, обрадовался и уже собирался выйти вперед, чтобы снискать похвалу, но тут Сюэ Шу ответил без подобострастия, но и без дерзости:

— Служу в Западном Бюро. Защищать Ваше Величество — мой долг, не смею просить награды.
— Сказав это, он помедлил, словно колеблясь, и добавил: — К тому же... это не лис-оборотень, а просто дикий волк.

Улыбка застыла на лице Гао Юаня. Глядя на залитого кровью Сюэ Шу, он почувствовал, как у него екнуло сердце. Западное Бюро давно находилось под гнетом Восточного, всех лучших людей забирали именно туда. Откуда же в Западном Бюро взялся такой человек?

— Дикий волк?

Лицо императора Лунфэна стало весьма выразительным. Он с сомнением посмотрел на труп. Тварь была не только крупнее обычной лисы, но даже больше волка. И вид у нее был странный: налитые кровью глаза, длинные, торчащие из-под губы клыки — весьма свирепый облик. По внешнему виду и размеру зверь действительно не походил на лису.

Но и на волка он был не слишком похож.

Лишь легендарный лис-оборотень мог иметь столь ужасающий вид.

— Зеленое свечение с тела этого «лиса» уже рассеялось, — Инь Чэньюй вовремя шагнул вперед и, присев на корточки, коснулся трупа. Увидев на пальцах красное, он улыбнулся и показал ладонь присутствующим: — А эта краснота — краска.

На его ладони виднелись пятна красного красителя.

Инь Чэньюй наклонился ближе, принялся и уверенно заявил:

— Это охра. Что же до красного тумана и зеленых блуждающих огней — я видел подобные фокусы на улицах.

— Как смеют негодяи устраивать подобные представления во дворце! — Император Лунфэн пришел в ярость и метнул гневный взгляд на командующего Цзиньивэй Гун Хунфэя: — Неужто императорская стража — сборище бездельников?! Как вы могли ничего не заметить?!

— Ваше Величество, умерьте гнев! — Не ожидая, что ярость императора обрушится на него, Гун Хунфэй мысленно выругался и поспешно склонил голову, признавая вину.

Кто бы мог подумать, что найдется смельчак, способный разыгрывать подобные представления в запретном дворце?

— Отец-император, успокойтесь. Боюсь, в этом деле вряд ли стоит винить командующего Гуна, — Инь Чэньюй неторопливо вытер пальцы и подлил масла в огонь: — Я слышал, что еще при жизни деда-императора мятежники, прикрываясь подобными фокусами, проникали во дворец для покушения. Уж не является ли тот, кто спланировал нынешнее происшествие с «лисом»... последышем тех мятежников времен императора Сяо-цзуна?

На лице его отразилась глубокая тревога:

— Кто бы мог подумать, что и спустя столько лет эти мятежники все еще не истреблены окончательно.

Император Сяо-цзун был дедом Инь Чэньюя и отцом императора Лунфэна.

Во время своего правления он был известен развратом и жестокостью, отчего страдали не только придворные, но и простой народ. В те времена находились смельчаки из народа, которые под видом бродячих артистов проникали во дворец, чтобы совершить покушение.

Конечно, это покушение не смогло напугать жестокого по натуре императора Сяо-цзуна, но упоминание о нем в данный момент стало для императора Лунфэна настоящей занозой в сердце.

За время правления Сяо-цзуна на него было совершено не менее сотни покушений. Чиновники называли покушавшихся мятежниками, но в народе их считали преданными героями, тайно почитали, а некоторые даже присоединялись к ним.

Лишь после кончины императора Сяо-цзуна, когда на престол взошел Лунфэн и, по совету Юй Хуайяня, начал проводить политику умиротворения народа, репутация императорской семьи была восстановлена, а волнения утихли.

Теперь же Инь Чэньюй намеренно ворошил прошлое, наводя подозрения на последышей

времен Сяо-цзуна. Трусливый и дорожающий своей жизнью император Лунфэн ни за что не оставит это дело без последствий.

Он опустил взгляд, и густые темные ресницы скрыли блеск его глаз. Тщательно стереж последний след краски с кончиков пальцев, он небрежно бросил платок стоявшему рядом молодому евнуху.

Услышав это, император Лунфэн встревожился:

— Расследовать! Непременно найти того, кто стоит за этим!

Его взгляд скользнул по Гун Хунфэю и Гао Юаню и наконец остановился на Сюэ Шу, словно император что-то взвешивал.

— Это дело поручается Западному Бюро. Ты! Ты и займешься расследованием!

Наконец он указал пальцем на Сюэ Шу:

— Даю тебе десять дней. Принесешь мне голову преступника и доложишь о выполнении.

Сюэ Шу опустился на колени, принимая указ.

Гун Хунфэй и Гао Юань помрачнели, но не осмелились перечить в такой момент.

Происшествие в императорском дворце, а расследование поручено не Цзиньвэй и не Восточному Бюро, а какому-то неизвестному служаке из Западного Бюро — значение этого было очевидным.

По крайней мере, в данный момент император им больше не доверял.

Выплеснув гнев, император Лунфэн почувствовал слабость во всем теле и больше не задерживался — сел в паланкин и отправился обратно во дворец Цяньцин.

Прекрасный новогодний пир был безнадежно испорчен. Придворные с тяжелым сердцем тоже разошлись.

Инь Чэньюй, как наследный принц, оставался до последнего и ушел лишь после всех.

После этого фарса время давно перевалило за полночь. С неба неведомо когда снова посыпался снег. Инь Чэньюй почувствовал озноб и плотнее запахнул тяжелый плащ.

Чжэн Добао, заметив это, шагнул вперед, заслоняя его от ветра, и обеспокоенно спросил:

— Ваше Высочество, не угодно ли укрыться здесь от непогоды? Слуга ходит за паланкином.

— Тут всего несколько шагов, — Инь Чэньюй выдохнул облачко белого пара и покачал головой.

Дворец Хуанцзи находился недалеко от дворца Цыцин. Если срезать путь через Средние Левые ворота, дорога займет не больше половины кэ¹.

Снег повалил сильнее. Инь Чэньюй невольно ускорил шаг. Приближаясь к Средним Левым воротам, он заметил у входа неясную темную фигуру.

Чжэн Добао испугался — вдруг это сбежавший убийца? — и вместе со стражниками поспешно заслонил Инь Чэньюя.

— Кто там?! — резко крикнул он.

Фигура не отвечала. Евнух уже собирался приказать Чжао Линю пойти проверить, но тут услышал голос Инь Чэньюя у себя за спиной:

— Оставьте, это не убийца.

Наследный принц шагнул вперед и, вглядываясь сквозь метель, спросил:

— Сюэ Шу, почему ты не лечишь раны, а торчишь здесь? — В голосе его снова послышалось недовольство.

Услышав свое имя, Сюэ Шу наконец шевельнулся. Он подошел вплотную и тихо позвал:

— Ваше Высочество.

Кровь на его лице еще не была стерта, рана на левой руке оставалась необработанной — вид у него был весьма плачевный. Однако темные глаза ярко блестели, напоминая глаза одинокого волка, вышедшего на ночную охоту, что придавало ему необъяснимую, дикую энергию.

Взгляд Инь Чэньюя скользнул по его ране. Наследный принц нахмурился:

— Что тебе нужно?

— Я сделал все, что приказало Ваше Высочество, — он пристально смотрел на Инь Чэньюя и

облизнул пересохшие губы. Его намерение было ясно написано на лице.

Инь Чэньюя еще никогда так настойчиво не просили о награде, тем более — Сюэ Шу.

От этого у него возникло внезапное чувство абсурдности происходящего.

Кем был Сюэ Шу? Человеком, державшим в руках сотни тысяч воинов императорской стражи, чьи глаза и уши были повсюду в Поднебесной, чья власть и положение были непревзойденными — настолько, что даже Сын Неба вынужден был уступать ему. Такой, как он, всегда брал то, что хотел. Власть, положение... и даже его самого.

А теперь этот будущий Цзю Цяньсуй стоял под снегопадом у Средних Левых ворот, неизвестно сколько времени дожидаясь, — и все ради того, чтобы попросить у него награду.

Эта мысль чрезвычайно позабавила Инь Чэньюя, даже взгляд его потеплел.

— На этот раз ты хорошо справился. Какую награду желаешь? Я постараюсь исполнить твоё желание.

— Не хочу оставаться в Западном Бюро. Хочу прийти служить Вашему Высочеству, — Сюэ Шу смотрел прямо на Инь Чэньюя, без малейшего стеснения, и в глазах его бурлило неукротимое желание.

Хоть это и не имело отношения к плотской страсти, оно все равно раздражало.

Этому волчонку с непомерными амбициями и впрямь нельзя показывать ни малейшего расположения!

Лицо Инь Чэньюя похолодело. Он взмахнул рукавом и, проходя мимо Сюэ Шу, бросил так, что раздраженный голос почти потонул в шуме метели:

— Не дозволено!

В этой жизни пусть честно остается в Западном Бюро и служит ему верой и правдой!

Фигура Инь Чэньюя быстро растворилась в снежной пелене.

Сюэ Шу еще мгновение неподвижно постоял на месте, а затем вернулся в Западное Бюро.

Сегодня он защитил государя и снискал его особое расположение. Отношение служащих Западного Бюро к нему резко изменилось: прежние насмешки и холодность сменились

подчеркнутой вежливостью, и даже вместо места в общей казарме ему выделили отдельную комнату.

Сюэ Шу отклонил предложение сослуживца позвать императорского лекаря, взял лекарства и вошел к себе.

Рана на руке оказалась довольно глубокой. На когтях зверя было много грязи, и теперь она осталась в плоти — рану следовало тщательно промыть.

К подобным ранам ему было не привыкать. С бесстрастным лицом Сюэ Шу снова и снова промывал ее крепким вином, пока сочащаяся кровь не стала ярко-алой. Лишь затем он наложил лекарство и перевязал руку.

После этого он умылся, переоделся в чистое и лишь затем достал простой белый платок и принялся вертеть его в руках. Этим платком пользовался Инь Чэньюй, на нем все еще виднелись пятна красной краски. Наследный принц небрежно бросил его молодому евнуху, Сюэ Шу увидел это и, повинуясь какому-то внезапному порыву, выпросил платок себе.

Подушечка пальца легко скользила по мягкой ткани. Сюэ Шу вспомнил, как Инь Чэньюй вытирал этим платком пальцы.

Эти руки были очень бледными, с тонкими длинными пальцами и четко очерченными суставами, без единого изъяна — словно изваяние из лучшего белого нефрита. Подобно своему владельцу, они казались исполненными холодного достоинства, но кончики пальцев слегка розовели, что придавало им необъяснимую, завораживающую прелесть.

Ощущая под пальцами мягкость ткани, Сюэ Шу опустил взгляд и задумался: «Руки Вашего Высочества такие же мягкие, как этот платок?»

***

Инь Чэньюй вернулся во дворец Цыцин, но гнев его еще не утих. Он знал, что Сюэ Шу дерзок и честолюбив, но не предполагал, что тот осмелится быть столь вызывающим даже в нынешних обстоятельствах!

Если бы не его недавняя заслуга и полученная рана, он непременно велел бы выволочь Сюэ Шу и высесть батогами в назидание!

Чжэн Добао распорядился приготовить горячую ванну для купания и, войдя в покои, увидел, что наследный принц все еще не в духе. Евнух догадался, что тот, скорее всего, все еще сердится из-за недавнего происшествия. Хотя он и не понимал, почему обычно добродушный наследный принц так невзлюбил именно Сюэ Шу, это не помешало ему предложить свой совет:

— Этот Сюэ Шу воистину не знает своего места. Не угодно ли Вашему Высочеству, чтобы слуга нашел предлог и слегка наказал его?

Хотя, по его мнению, желание Сюэ Шу служить наследному принцу вместо того, чтобы оставаться в Западном Бюро, говорило о его проницательности. Но раз это рассердило Ваше Высочество, значит, Сюэ Шу был неправ.

Чжэн Добао услужливо предложил избавить принца от хлопот, но Инь Чэньюй неожиданно заколебался. Та тварь была сильной, а Сюэ Шу принял на себя удар когтей — неизвестно, насколько серьезна его рана. Гнев гневом, но, немного остыв, он понял, что это лишь перенос обид из прошлой жизни.

В этой жизни Сюэ Шу еще ничего не сделал, и его желание служить ему не несло в себе иного смысла.

— Ладно уж, в конце концов, он только что совершил заслугу, — вздохнул Инь Чэньюй. — Завтра утром сходишь в Императорскую медицинскую палату, попросишь лекаря Лю осмотреть его. Нельзя допустить, чтобы рана усугубилась, он нам еще понадобится.

Чжэн Добао ответил: «Слушаюсь», — а сам подумал, что никогда еще не видел наследного принца таким непостоянным.

---

¹ Кэ* (□) — древняя китайская мера времени, равная примерно 15 минутам.